

Р.Ю. Виппер

**Две интеллигенции и другие
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р11

Р11 **Р.Ю. Виппер**
Две интеллигенции и другие очерки / Р.Ю. Виппер – М.: Книга по Требованию,
2021. – 326 с.

ISBN 978-5-458-54505-1

Сборник статей и публичных лекций 1900-1912.

ISBN 978-5-458-54505-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Двѣ интеллигенціи.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ.)

Всѣмъ извѣстна книга, въ которой собраны жестокія обвиненія и нападки на русскую интеллигенцію. Нашлись представители самой интеллигенціи, безповоротно осудившіе все, что до сихъ поръ сдѣлано классомъ образованныхъ людей: всѣ его идеалы, желанія, цѣли, программы, приемы и наклонны мысли. Все это было признано самообманомъ и грѣхомъ, въ которомъ надо каяться, и судьи сами показали примѣръ покаянія. Они намъ сказали затѣмъ ясно, что, по ихъ мнѣнію, хорошо и что дурно, что должна была дѣлать интеллигенція и что дѣлать ей не слѣдовало. Она оказалась виновата въ томъ, что любила справедливость больше, чѣмъ истину, т.-е. (какъ пришлось разъяснить непосвященнымъ) больше занималась наукой и общественными вопросами, чѣмъ метафизикой и религіознымъ созерцаніемъ. Въ другой версіи, болѣе рѣзкой, интеллигенціи ставилось въ вину то, что она искала удовлетворенія нуждъ народа, заботилась объ интересахъ большинства, о матеріальномъ устроеніи и умственномъ просвѣщеніи массы вмѣсто того, чтобы углубляться въ личное самоусовершенствованіе, культивировать индивидуальныя сокровища души.

Принеся покаяніе, обвинители, кажется, увѣрились, что

сами они уже не принадлежать болѣе къ грѣховной и жалкой средѣ, называемой интеллигенціей. Чтобы не остаться одинокими, они поспѣшили обезпечить за собой нѣсколько блестящихъ историческихъ именъ и объявили, что русскіе великіе писатели не были интеллигентами. Это уже было ненужнымъ преувеличеніемъ основной мысли обвиненія. Не ясно ли въ самомъ дѣлѣ, что строгіе судьи вовсе не хотятъ сами себя выключать отъ умственной культуры, что они скорѣе себя считаютъ интеллигенціей, но только интеллигенціей истинной, стоящей на правильномъ пути, тогда какъ въ своихъ осуждаемыхъ противникахъ они видятъ несчастныхъ, заблудшихъ или злопамѣренно соскользнувшихъ съ этого пути?

Можно не соглашаться съ такими оцѣнками, но отчего не признать правильности самого дѣленія, проведеннаго обвинителями? Не стоятъ ли дѣйствительно другъ противъ друга двѣ интеллигенціи, взаимно враждебныя и въ корнѣ несогласныя между собою? И не было ли такъ всегда? Не встрѣтились ли мы съ фактомъ почти исконнымъ въ культурной исторіи? Можетъ быть, даже содержаніе новѣйшихъ нападокъ очень старо и представляетъ повтореніе унылыхъ мотивовъ упадочной поры, сказанныхъ давно по другимъ поводамъ и въ другой общественной средѣ? Невольно вспоминаются бесѣды и споры въ старинномъ культурномъ обществѣ Греціи. У насъ сохранились такія яркія свидѣтельства этой эпохи, что не надо большой игры фантазіи, чтобы вообразить ея жизнь; достаточно связать вмѣстѣ дошедшіе пестрые обрывки.

Въ 443 г. до Р. Х. въ спящихъ водахъ Тарентинскаго залива было замѣтно необыкновенное оживленіе. Къ берегу, гдѣ когда-то стоялъ пзвѣстный своимъ роскоше-

ствомъ Сибарисъ, разрушенный и дотла сожженный воинственными сосѣдями, подъѣзжали большія пассажирскія суда, подвозившія новыхъ поселенцевъ со всѣхъ концовъ тогдашней Греціи. Вотъ пріѣхала партія аркадскихъ виноградарей; дома они едва перебивались на своихъ карликовыхъ надѣлахъ; они слышали отъ ходоковъ и пріѣзжихъ изъ южной Италіи, что земля тамъ плодородія необычайнаго; особенно хорошо растетъ виноградъ на склонахъ, залитыхъ лавой старинныхъ вулканическихъ изверженій. Вотъ приближается тріера аѳинской республики; еще нѣсколько взмаховъ длиннѣйшихъ веселъ въ ударъ такта, выбиваемаго молоткомъ по деревянному барабану, и корабль плавно и ловко поворачиваетъ къ пристани: онъ привезъ мастеровъ, работающихъ художественно разрисованную посуду. Вся Италія покупаетъ аѳинскія вазы съ красными и черными фигурами, и кустари хотятъ устроить свои мастерскія поближе къ сбыту. А тамъ подъѣзжаетъ артель каменщиковъ, большею частью уроженцевъ Малой Азіи, и во главѣ ихъ знаменитый по всей Греціи архитекторъ и инженеръ Гипподамъ Милетскій: его рекомендовали итальянскимъ новоселамъ аѳиняне, для которыхъ онъ построилъ новый портъ. Гипподамъ много путешествовалъ и изучалъ большіе города богатаго Востока. Опъ—рѣшительный противникъ старинной стройки, гдѣ дома загораживаютъ другъ другу свѣтъ Божій и тѣсятся въ узкихъ, извилистыхъ переулочкахъ; его городской планъ—широкіе проспекты, прямые перекрестки, просторныя и красивыя общественныя зданія.

Кто же основатели этой пестрой колоніи? Что сплочиваетъ вмѣстѣ такіе разнородные элементы?

Передъ нами—предпріятіе, совершенно рѣдкостное, и можетъ быть, ему найдется только одна аналогія въ исто-

ринъ человѣчества. Уроженцы разныхъ греческихъ городовъ и областей, граждане различныхъ независимыхъ общинъ рѣшили отправить колонистовъ изъ своей среды, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ и устроить новый большой поселокъ по всѣмъ правиламъ техники, гигиены и политическаго искусства, согласно требованіямъ разума и общественной справедливости. Такая горячая увѣренность въ исполнимости разъ задуманной общественной цѣли повторилась развѣ только еще въ XVIII вѣкѣ, когда европейскіе строители жизни привѣтствовали американскихъ борцовъ за независимость, когда сдавленные старымъ порядкомъ европейскіе публицисты думали, что въ Америкѣ, на новой почвѣ, далеко отъ предразсудковъ, отъ неравенства и несправедливости старой Европы удастся устроить разумное, здоровое общество.

Мы должны перенестись мыслью въ вѣкъ демократіи, среди котораго всеобщее вниманіе приковала къ себѣ великая афинская республика, такъ что современному историку само слово «народоправство» казалось великолѣпнымъ звукомъ. Новая община, которая зовется Оуріи, строить свою жизнь при полной свободѣ слова; всѣ частности управленія проходятъ подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. И вотъ теперь, когда предстоитъ организовать судъ, выборная администрація Оуріи устроила для всеобщаго освѣдомленія гражданъ публичную лекцію съ преніями.

Прямо противъ главнаго проспекта, на возвышеніи, съ котораго открывается красивый видъ на долину рѣки и на заливъ, Гипподамъ построилъ большой портикъ. Въ длинныхъ крыльяхъ открытой галлерей, по обѣ стороны срединнаго большого зала, вдоль безконечнаго ряда колоннъ, помѣстились лавки и выставки товаровъ; въ днев-

ные часы здѣсь скрываются отъ палящихъ лучей солнца покупатели, дѣловые люди и всѣ, кто хочетъ отдохнуть или поболтать. Надъ центральнымъ павильономъ крыша поднимается въ видѣ купола: подъ нимъ эстрада, окруженная широкимъ амфитеатромъ каменныхъ скамей. Это—мѣсто для общедоступныхъ собраній всякаго рода, концертовъ, декламацій, публичныхъ бесѣдъ.

Шумно привѣтствуетъ масса лектора, поднимающагося на кафедру. Это—составитель свода законовъ *Θυρίи*, Протагоръ.

Уроженецъ маленькой Абдеры, городка далекой *Θракии*, Протагоръ получилъ извѣстность по всей Греціи, какъ странствующій профессоръ. Говорятъ, стоитъ ему приѣхать въ Аѣны, и уже на другой день вѣсть о его прибытіи распространяется среди интеллигенціи, жадной до науки. Молодые и старые почитатели его таланта собираются съ ранняго утра и осаждаютъ домъ богатаго Каллія, гдѣ остановился Протагоръ. Привратникъ прячется и перестаетъ открывать двери непрерывно нарастающей толпѣ посѣтителей. Въ обширной внутренней галлерей у Каллія уже идетъ бесѣда: лекторъ, прохаживаясь, излагаетъ предметъ. Онъ потомъ усядется среди аудиторіи и будетъ отвѣчать на задаваемые вопросы. И эти внимательные слушатели, безконечные и настойчивые вопрошатели, непокорные спорщики, не устаютъ проводить такъ день за днемъ весь сезонъ, въ теченіе котораго Протагоръ излагаетъ свой курсъ.

Въ данный моментъ въ *Θυρίяхъ* Протагоръ долженъ говорить на тему о значеніи свободы и принужденія въ дѣлѣ общественнаго воспитанія: на чемъ построить общежитіе, на доброй и благородной природѣ чловѣка, или на системѣ запретовъ и устрашеній? Протагоръ выска-

зывается противъ практики тяжкихъ наказаній за проступки.

«Мы, граждане, не дикари болѣе, которые мстятъ несчастному подсудимому и оплачиваютъ око за око, зубъ за зубъ. Казни и увѣчья въ отместку за злое дѣло бессмысленны. Все равно не исправишь и не вернешь назадъ совершившагося. Наказаніе можетъ имѣть только одинъ смыслъ—предупредить другихъ людей, остановить возможные будущіе проступки. Но я не буду вамъ доказывать, граждане, что наказанія воспитываютъ людей. Нѣтъ, въ насъ вложено отъ природы сознаніе правды и неправды. Старая сказка говоритъ, что верховный Богъ сотворилъ людей глубоко различными во всемъ, начиная отъ роста и цвѣта волосъ и кончая дарованіями, но одно вложилъ имъ всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ—совѣсть. Спросите любого человѣка: всякій готовъ признаться въ той или иной слабости, недостаткѣ, въ неумѣнн сдѣлать что-нибудь; но никто никогда не скажетъ, что у него нѣтъ совѣсти, что онъ не умѣетъ различить добра и зла. Однако внутренній голосъ можетъ заглухнуть тамъ, гдѣ люди служатъ низменнымъ влеченіямъ, гдѣ одни высоко-мѣрно царятъ наподобіе боговъ, а другіе пресмыкаются передъ ними. Напротивъ, тамъ, гдѣ общежитіе основано на справедливомъ равенствѣ, гдѣ нѣтъ ни трутней, ни пригнетенныхъ къ труду рабовъ, тамъ врожденное чувство правды крѣпнѣетъ и громко говоритъ устами самыхъ простыхъ людей. И вотъ почему правы аѳиняне,—говоритъ лекторъ, обратясь въ сторону группы мастеровъ-переселенцевъ изъ Лонія,—когда они рѣшаются допустить къ политикѣ, т.-е. сужденію объ интересахъ общихъ, и кузнецовъ, и кожевниковъ, и ткачей, и вообще людей ручного труда, наравнѣ съ эстетически развитыми богачами».

Съ интересомъ ждетъ теперь масса слушателей, что скажетъ поднявшійся съ мѣста странный человѣкъ въ ярко-красномъ плащѣ съ какимъ-то восточнымъ тюрбаномъ на головѣ. Это очень извѣстный врачъ и натуралистъ Эмпедоклъ изъ Акраганта въ Сициліи. Удивительныя вещи рассказываютъ про него. Онъ необычайно богатъ, но живетъ крайне просто; вѣчно онъ переѣзжаетъ изъ города въ городъ. Въ Селипунтѣ онъ устроилъ на свой счетъ капализацію и избавилъ городъ отъ вредныхъ испареній болотистой низины, заражавшей округу лихорадками. Онъ любитъ, пріѣхавши въ городъ, спросить списокъ бѣдныхъ дѣвушекъ и раздавать имъ приданое. Эмпедоклъ лѣчитъ даромъ, и какъ лѣчитъ! всѣ знаютъ, что онъ воскресилъ изъ летаргіи женщину въ Акрагантѣ. Но еще чуднѣе, что онъ гипнотизировалъ музыкальными мелодіями молодого человѣка, котораго охватила манія убить своего соперника, и удержалъ его такимъ способомъ отъ преступленія. Говорятъ, у него на краю кратера Этны башня съ обсерваторіей, и онъ не боится смотрѣть въ глубь вулкана. Кто-то пустилъ однажды слухъ, что Эмпедоклъ поплатился за свое любопытство. Богъ огненной пучины разсердился будто бы на его безцеремонное заглядываніе и затащилъ ученаго въ свой кипящій котелъ, но выбросилъ назадъ его мѣдную подошву, подбитую какими-то мудреными гвоздями.

Эмпедоклъ любитъ парадоксы и анекдоты.—«Вашъ лекторъ, граждане, умнѣйшій и ученѣйшій человѣкъ, но не всѣ таковы на его родинѣ, въ маленькой Абдерѣ. Это—глухой городишко, гдѣ обыватели ограничены узкимъ кругозоромъ и больше всего на свѣтѣ боятся колдуновъ. Когда я пріѣхалъ туда, и въ городѣ узнали, что я врачъ, мѣся тотчасъ же отправили забрать опасно

больного человека, который явно помѣшался въ умѣ, такъ что его только оставалось посадить на цѣпь въ домѣ сумасшедшихъ. Я прошелъ въ небольшой внутренней дворикъ, гдѣ сидѣлъ указанный больной. Онъ былъ обложенъ книгами, костями животныхъ, стеблями растений и т. д. и быстро записывалъ что-то, приложивъ листокъ на согнутое колѣно. Привѣтливо попросилъ онъ меня садиться, и мы сразу разговорились. Я скоро понялъ, что имѣю дѣло съ великимъ ученымъ и мыслителемъ. Это былъ Демокритъ, и съ того дня началось мое знакомство съ нимъ. Я объяснилъ абдеритамъ, что этотъ ученый—благословеніе небесъ ихъ городу. Вотъ, граждане, не вводите въ свой уголовный сводъ статьи противъ колдуновъ, а то рискуете сжечь у себя новаго Демокрита».

Изъ среды слушателей выступаетъ коринескій горшечникъ и заявляетъ: «Нѣтъ, Эмпедоклъ, не бойся, у насъ въ Оуріяхъ не будутъ притѣснять людей науки. Изслѣдуйте все на свѣтѣ, изучайте все живое и мертвое и на землѣ, и подъ землей, и даже занимайтесь астрономіей!»

«Какой же ты великодушный!—шутитъ Эмпедоклъ:—даже астрономіей! Все-таки, видно, что ты считаешь астрономію немного подозрительной. Но ты можешь успокоиться. Люди, проникающіе въ тайны небеснаго міра, такъ же свободны отъ всякихъ злыхъ помысловъ, какъ и мы, врачи, а ты вѣдь не боишься насъ. Не ослѣпляйте себя мыслью, что блескъ вѣчныхъ свѣтилъ, что явленія небесныя отъ насъ далеки, чужды намъ. Вся вселенная, всѣ существа, большія и малыя, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ стихій: земли, воды, воздуха и огня, которыя въ видѣ малѣйшихъ частицъ кружатся вихремъ, смѣшиваются между собою и образуютъ предметы живого міра. Двѣ силы управляютъ этими смѣше-

ніями, Любовь и Ненависть, притяженіе и отталкиваніе. Солнце и звѣзды состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, что и люди. И въ насъ есть искра, занесенная изъ вышняго міра. Это—нашъ духъ, улетающій въ моментъ смерти. Онъ не исчезнетъ безслѣдно, и раньше, чѣмъ вселиться въ меня, онъ оживлялъ другія существа, жилъ въ птицѣ, въ деревѣ, былъ въ другомъ человѣкѣ, жилъ 1000 лѣтъ тому назадъ».

Эмпедоклъ, по обыкновенію, увлекся и ушелъ отъ предмета бесѣды. Слѣдующій ораторъ намѣренъ вернуть слушателей на почву дѣйствительности. Это—Геродотъ, прославленный путешественникъ, побывавшій въ глубинѣ Азіи, на Нилѣ у египетскихъ пирамидъ и на далекихъ берегахъ Чернаго моря, въ странѣ полуночныхъ холодовъ. Горячій сторонникъ свободы и равенства, «чудесныхъ словъ для греческаго уха», Геродотъ однимъ изъ первыхъ записался въ гражданство города Θυρίи.

«Ученіе о переселеніи душъ, которое ты намъ изложилъ, Эмпедоклъ, я слышалъ въ Египтѣ, у тамошнихъ ученыхъ священниковъ. На востокѣ многіе вѣрятъ въ жизнь за гробомъ. Я видѣлъ картину, гдѣ изображена судьба человѣческой души въ другомъ мірѣ. Тамъ сидитъ грозный богъ на тронѣ наподобіе царя, допрашиваетъ умершаго о всѣхъ дѣлахъ, совершенныхъ при жизни. Особый секретарь пишетъ подробную лѣтопись. Затѣмъ Судья рѣшаетъ верховно и безповоротно, кого отдать на вѣчныя муки и кому дать вѣчную же награду. Вы спросите меня, видѣлъ ли я пользу отъ такого вѣроученія? Не сдерживаетъ ли людей отъ пороковъ и преступленій страхъ передъ вѣчнымъ Судіей и его гнѣвомъ? На это я отвѣчу вамъ. Люди вездѣ одинаковы, они руководятся разумомъ или страстями. Различны обычаи, и здѣсь человѣкъ дер-

житься крѣпко своего, хотя бы и нелѣпаго, порядка, а все чужое ему непріятно или смѣшно. Вѣдь вамъ, грекамъ, было бы странно рисовать себѣ бога всемогущимъ деспотомъ; а жители азіатской державы, которые дрожать передъ властными рѣшеніями своего самодержца, и бога не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ своего страшнаго царя, чуждаго имъ въ своемъ величіи, загороженнаго отъ нихъ въ своихъ сверкающихъ чертогахъ. И разъ ихъ царь тоже считается богомъ, имъ трудно даже сказать, который изъ боговъ выше, небесный или земной. Однако, несмотря на угрожающій гнѣвъ двухъ властителей, люди тамъ не живутъ по правдѣ; мысль о вѣчныхъ мукахъ за гробомъ не удерживаетъ ихъ отъ злодѣяній, отъ воровства и нанесенія обидъ ближнимъ».

Послѣ Геродота проситъ слова строитель города, Гипподамъ. Онъ предостерегаетъ гражданъ отъ ученій, усыпляющихъ здоровую волю человѣка и затуманивающихъ ясныя требованія разума. «Великій знатокъ жизни человѣческаго тѣла увѣрялъ васъ, что въ брэнной оболочкѣ временно живетъ нѣчто постороннее, божественное. Мнѣ кажется такой взглядъ очень страннымъ. Представьте себѣ арфу, изъ струнъ которой извлекается чудесная гармонія звуковъ. Арфу разбили, струны ея порвали; неужели вы будете теперь искать, куда улетѣла ея гармонія? Развѣ вы рѣшитесь сказать: вотъ въ арфѣ дерево, металлическія пластинки и т. д. образуютъ грубую, ломкую, портящуюся и гниющую матерію; но съ нею ничего общаго не имѣетъ божественная вѣчная чистая гармонія; освобождаясь отъ плоти, она продолжаетъ жить, она даже стала свободнѣе? Развѣ не ясно всякому, что гармонія и есть живая цѣлая арфа? И развѣ не такъ же смѣшно дѣлать человѣка па брэнное тѣло и божественную душу?»